

планета сирота

Артём Железнов

Планета Сирота

<https://litres.ru/74457484>

SelfPub; 2026

Аннотация

Катастрофа поставила под угрозу жизни миллиардов людей. Но ещё никто не знал, что ждёт человечество дальше.

Новый Бог решил отвернуться от людей? Старые боги разгневались, потому что человечество забыло их? Или всему виной чьё-то вмешательство извне?

Регулус становится очевидцем катастрофы. Он оказывается слишком наивным, чтобы спастись самостоятельно, а его спутник, напротив, решителен и готов идти до конца ради выживания.

Регулуса ждёт долгий и тернистый путь — от мальчика до мужчины. Путь через смерть и предательства, любовь и страх. Он узнает, на что способен человек, когда речь идёт о выживании.

На его пути встретятся люди со своими историями, страхами и желаниями. Кто-то станет ему другом, кто-то — врагом, а кто-то навсегда изменит его представление о мире.

И даже тот, кого когда-то называли Богом, попросит Регулуса об одолжении.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16

Артём Железнов

Планета Сирота

Глава 1

ГЛАВА 1

«А я ещё смогу увидеть небо?»

Люди не понимали, какой силой могут обладать цензура и пропаганда. Правительству было достаточно одного твоего взгляда к звёздам, чтобы превратить тебя во врага народа.

Впрочем, именно так все и произошло.

Тогда мне было шесть лет. Отец только начинал открывать мне мир звёзд. Он не был астрономом и никогда не работал в научной сфере. Нет. Он был разнорабочим, обычным человеком, который любил смотреть на ночное небо.

Не то чтобы звёзды тогда меня интересовали, но счастливое лицо отца, часами рассказывавшего о них, мне и правда было небезразлично. Он мог бесконечно говорить о звёздах, планетах, созвездиях и далёких мирах, до которых человеку, возможно, никогда не суждено добраться.

В один день изменилось всё.

Однажды правительства всех стран почти одновременно объявили о создании новой религии. Её называли Единством Веры. До этого мы с отцом не были верующими. Но и особой

нужды запрещать людям верить в своих богов отец не видел. На Земле существовали тысячи религий, учений и верований. Каждый человек имел право верить в своего бога, следовать своим убеждениям и возносить молитвы тому, кому считал нужным. По крайней мере, так было раньше.

До того дня.

Человечество решило вычеркнуть всё, чем оно жило тысячелетиями. Всё началось с книги.

Она появилась одновременно в разных уголках мира — именно так потом утверждали правительства. Одни экземпляры находили на порогах храмов, другие — в библиотеках, на улицах, в заброшенных зданиях и даже в запертых помещениях, куда никто не мог войти.

Никто не видел, как она появилась. Никто не знал, кто её написал. Никто не мог объяснить, каким образом она оказалась у тех, кто впоследствии растоптал веру предков и обесценил море пролитых слёз в молитвах к небу.

Станным было даже то, из чего она была сделана. Материал, происхождение которого учёные не смогли определить. Он напоминал одновременно бумагу, ткань и тонкую кожу, но не соответствовал ни одному известному способу изготовления.

Некоторые страницы казались старыми настолько, будто пролежали в земле не одну сотню лет. Другие выглядели совершенно новыми. Но самое странное было то, что все найденные экземпляры содержали один и тот же текст. Одина-

ковые страницы. Одинаковые строки. Одинаковый почерк.

Не существовало ни первого экземпляра, ни человека, которому можно было бы

приписать авторство. Попытки выяснить происхождение книги ни к чему не привели. Правительства объявили её посланием Истинного. Книга говорила, что болезни, войны и человеческая тяга к насилию существуют лишь из-за

неправильной веры. Тысячелетиями человечество поклонялось ложным богам, следовало несуществующим заповедям и собственными руками обрекало себя на страдания. Но теперь Истинный даровал людям знание. Не о том, как попасть в рай после смерти.

А о том, как создать его при жизни.

Книга гласила:

«Рай не на небе.»

«Рай — здесь».

«На Земле.»

«Тысячи лет человечество обращало свой взор к небесам и видело там богов. Оно

возносило им молитвы, приносило жертвы, начинало войны и ждало спасения, которое никогда не приходило. Вместо того чтобы искать путь к Истинному, человек давал имена звёздам и иным мирам, наделял их волей и видел в них знамения. Но небо не было домом богов. Отныне всякий взор, обращённый к небесам в поисках прежних богов, есть отступление от Истинного. Отрекись от богов минувших и уве-

руй в Истинного. Пока живёт вера в ложных богов, смерть не отступит от мира, и души тех, кого мы потеряли, не смогут возвратиться к своим близким. Но когда последний человек отречётся от лжи и обратится

к Истинному, завеса смерти падёт. Тогда каждый, кто был разлучён с дорогими ему

людьми, вновь увидит их, вновь услышит их голос. Не ищи спасения среди звёзд. Не ищи иной мир. Обрати взор свой к Земле — ибо здесь дарован тебе рай. Руки его трудятся на ней, а сердце хранит веру в Истинного.»

После того как текст книги был зачитан, власти всех стран выступили с единым указом.

Отныне астрономия и любые исследования, связанные с космосом, объявлялись

запрещёнными. Все телескопы подлежали немедленному изъятию и уничтожению. Книги по астрономии, карты звёздного неба, научные труды о планетах и космосе — всё это должно было быть собрано и уничтожено.

Все учения прежних религий, священные книги, изображения старых богов и любые тексты, противоречащие Единству Веры, также подлежали уничтожению. Храмы закрывались, а их имущество и архивы изымались. То, во что человечество верило тысячи лет, объявлялось ложью, которую больше нельзя было передавать следующим поколениям.

Человечеству отныне запрещалось изучать космос. Запрещались любые попытки покинуть Землю, отправить че-

ловека или экспедицию к другим планетам, исследовать далёкие миры или искать жизнь за пределами человеческого дома.

Большая часть людей и правда сразу приняла это за истину, ведь их вера не давала таких обещаний. Многие верующие в христианство хоть изредка задумывались: а что, если райа нет и после смерти ничего не ждёт?

А тут рай обещали при жизни. Стоило лишь всем поверить и прекратить взывать к звёздам.

— И что? Все так легко поверили?

— К сожалению, нет. По всему миру поднялись мятежи, бунты, восстания — называй как хочешь. Это был ужас, который продолжался целый год. С одной стороны — верующие, обвинявшие протестующих в том, что именно из-за них рай не наступает. С другой — правительства, которые силой заставляли людей уверовать.

Людям не пришлось долго объяснять, кто виноват в том, что рай всё ещё не наступает. Им просто дали виновных. Еретиков. И люди поверили. Более того — они сами начали требовать их наказания.

— А ты поверил в Истинного?

— Я? Да... Я был ребёнком, которому сказали, что совсем скоро он снова встретит маму. Она умерла, когда мне было четыре. Тогда даже не до конца понимал, что значит «умерла». Просто знал, что однажды она ушла и больше не вернулась. Иногда мне казалось, что вот-вот откроется дверь и она

войдёт, будто никуда и не уходила. А потом мне сказали, что она вернётся. Что мне нужно только поверить в Истинного, и однажды я снова смогу её обнять. Для ребёнка, потерявшего мать, этого было достаточно.

А вот отец... он не поверил. Но не показывал этого даже мне. Потому что не веровать было опасно не только для себя.

— Ты сказал, что правительство то...

— Да. Правительства всех стран почти одновременно внесли поправки в законы. Даже инквизиция появилась. Прямо как в Средние века. За сокрытие запрещённых материалов и нарушение новых законов не сажали в тюрьму. Нет-нет, хотя верующие продолжали требовать казни еретиков, у правительства были другие методы.

Зачем казнить человека, если из него можно сделать праведника? Заставить его публично принять веру, а потом отпустить. Имущество изымали, а на руку надевали повязку, чтобы каждый знал: этот человек однажды усомнился в Истине. Жизнь с такой повязкой среди верующих — наказание куда хуже смерти.

Многие радикально приняли новое учение. Они начали следить за соседями, родственниками и друзьями. Если кто-то хранил старую книгу, слишком долго смотрел в ночное небо или задавал неудобные вопросы, об этом могли сообщить властям. Иногда даже одного подозрения было достаточно. Для многих это стало своего рода очищением. Они

уничтожали семейные реликвии, старые фотографии храмов, книги, иконы и всё, что напоминало о прежней жизни. Люди сами несли телескопы на пункты изъятия и стояли в очередях, чтобы публично отказаться от прежней веры.

— Какой ужас... Неужели такие глупые и безжалостные люди действительно существуют?

— Да. Ответ перед тобой. Я сам был таким же. Кричал о вере, кидал камни в еретиков и был уверен, что поступаю правильно. В школе нас учили Единству Веры. В интернете любого, кто публично осуждал новую религию, сначала судили на глазах у всех, а потом казнили. Впрочем, это продолжалось только первые годы.

— Но ведь не все же такими были?

— Нет. Большинство просто хотело жить спокойно. Им было страшно. Страшно потерять работу, семью, дом. Страшно оказаться тем самым человеком с повязкой на руке. Поэтому многие приняли Единство Веры не потому, что действительно поверили, а потому что хотели, чтобы их оставили в покое. Потом в этом уже не было необходимости. Единство веры постепенно стала основой всего мира. Её больше не нужно было навязывать — она просто стала частью жизни каждого

человека. Это стало таким же естественным, как сон для человека. Никто ведь не спорит с тем, что человеку нужен сон.

— Как будто от этой веры людям пришло не спасение, а

ещё больше проблем.

— Ахах, ты не права. Люди и правда возлюбили друг друга. Не сразу, конечно. Но

постепенно. Войны закончились. Государства перестали видеть друг в друге врагов. Границы стали почти формальностью. Преступность тоже почти исчезла. Люди стали меньше бояться друг друга. Дети могли спокойно гулять одни, ночью можно было идти по улице и не думать о том, что кто-то нападёт на тебя за углом. Насилие стало настолько редким, что для многих превратилось почти в пережиток прошлого. Уровень безработицы снизился в разы. Люди стали внимательнее друг к другу. Помочь незнакомцу больше не считалось чем-то необычным. Старикам помогали на улицах, больным не отказывали в лечении, дети росли в мире, где

им с самого детства говорили, что чужая жизнь имеет такую же ценность, как и их собственная.

Людям больше не приходилось постоянно ждать новой войны, бояться преступников или думать о том, что завтра они могут потерять всё. У них появилась уверенность в завтрашнем дне.

А вместе с ней появилась вера в обещанный рай. Чем спокойнее становилась жизнь, тем сильнее люди верили, что всё это действительно начало исполнения обещания Истинного. Они видели вокруг себя мир, которого раньше не существовало, и говорили:

«Вот он. Мы почти пришли».

— Я всё-таки хотела бы спросить об отце... если ты не против. Ты говорил с ним? Почему он так и не уверовал?

— Да... я уже был подростком. В ту ночь я ночевал у друга. В итоге поссорились из-за какой-то ерунды, как это обычно бывает в пятнадцать лет. Сначала просто начали спорить, потом наговорили друг другу лишнего. Он сказал, чтобы я убирался, а я, конечно, не стал извиняться. Собрал вещи и ушёл домой.

На улице уже была глубокая ночь. Было около часа. Я помню, как шёл домой и злился. На него, на себя, на весь этот дурацкий вечер. Хотелось только добраться до своей комнаты, закрыть дверь и никого не видеть до утра.

Небо было совершенно чистым. Ни облака. А звёзды... я даже не знаю, как это объяснить. Они были настолько яркими и красивыми, что я на мгновение просто остановился. И мне захотелось посмотреть. Не думать о них. Не искать в них ничего. Просто посмотреть.

Я тут же отвернулся. Мне было неловко даже от собственного желания. Мне было страшно даже признаться самому себе, что я этого хотел. Я пошёл дальше, стараясь больше не поднимать головы.

Когда я вернулся домой, то постарался зайти как можно тише. Не хотелось будить отца, да и объяснять, почему я пришёл среди ночи, тоже не хотелось. Дверь в комнату отца была напротив моей. Она была открыта, и из-за этого я невольно

стал свидетелем его преступления.

— У тебя голос дрожит. Может, не надо...

— Всё в порядке...

Он смотрел на звёзды. Где-то достал старый телескоп и словно застыл над ним. Для меня время будто остановилось. Сердце начало бешено стучать, словно вот-вот вырвется из груди. Мой отец был одним из тех сволочей, из-за которых рай на Земле ещё не наступил. Я не мог увидеть и обнять маму из-за него. Из-за таких, как он. В тот момент мой мир рухнул. Я хотел закричать на него, назвать всеми ругательствами, которые только знал, броситься на него с кулаками. Я хлопнул дверью. Отец от неожиданности резко обернулся и свалился с ног.

Я подбежал к открытой балконной двери, через которую отец смотрел на звёзды, откинул телескоп в сторону и закрыл её. Хотя я и был на эмоциях, способность рационально думать ещё оставалась. Что могло случиться, если бы соседи услышали о том, чем занимался мой отец?

После я снова посмотрел на него. Он не пытался встать. Просто смотрел на меня снизу вверх и молчал. Я не мог разглядеть его лица. Я не знаю... мне казалось, что я кричал на него целую вечность. Я обвинял его во всех грехах человечества, говорил об Истинной Вере, о рае и о маме. Говорил, что из-за него я никогда её не увижу. Что такие, как он, мешают всему человечеству обрести рай. Постепенно мои глаза привыкли к темноте, и я увидел слёзы на его лице. Но мне

не было его жалко.

Я всё ещё разрывался от злости. Отец выслушал меня. В комнате будто не осталось ни единого лучика света, ни грамма воздуха. В голове всё смешалось.

Отец наконец встал с пола.

И первыми словами, которые он произнёс, были не извинения...

«Если бы я мог вернуть твою маму... Я сжёг бы каждую звезду на этом небе. Ты же знаешь, я не верил и в тех богов, что были до Истинного. Ты думаешь, я сам принял решение верить, что после смерти меня ждёт только пустота? Нет... Я хочу верить! Я хочу верить в то, что её не ждала пустота. Верить в то, что тебя не ждёт пустота. Верить в то, что мы все вместе будем счастливы... там... вечно жить с вами двумя... Как бы я хотел в это верить».

я смотрел на него не моргая, я не понимал о чем он говорит.. он же так же любит маму, почему он просто.. не.. поверит..

«И как бы сладка ни была ложь — я всё равно не могу назвать её правдой. Сын, я прошу... я умоляю... Если ты знаешь способ заставить меня поверить, я тебя умоляю, помоги мне».

Мой мир окончательно рухнул. Не то чтобы я знал, как заставить отца поверить... в встречу с мамой.. я сам осознал что этому не бывать. Все мысли о маме, все воспоминания о

встречах, которые я снова и снова прокручивал перед сном, останутся лишь фантазией.

Через год отец умер.. я понял каково ему было, не в силах поверить в что-то божественное, я стоял перед его могилой и жалел... жалел что этот разговор состоялся, если бы я сейчас верил.. верил в то, что отец встретился с мамой, и теперь они ждут меня.. когда земля станет раем и мы сможем снова встретиться.

-Для тебя истинная вера и правда была такой значимой.

-Да, была когда то..

-А потом что? Ты её возненавидел?

-Нет, зачем? Мир стал куда лучше, люди счастливы. А я.. а мне просто не повезло осознать правду..

— Жаль, что от того мира ничего не осталось...

Повисла тишина.

Я не знал, что ей ответить. Дать надежду, что всё ещё может стать прежним? Или просто согласиться?

Посмотрел на неё и промолчал.

— Тебе пора спать. Я выключу свет. Спокойной ночи.

За щелчком выключателя последовала темнота, и тихий вопрос, адресованный мне в спину:

—А я еще смогу увидеть небо и звезды?

Глава 2

ГЛАВА 2

«Её выбор.»

— Регул, Солнце уже уснула?

— Думаю, да. Я рассказал ей слишком изматывающую историю.

— Ты рассказывал ей о том мире?

— Да...

Собеседник тихо выдохнул.

— Значит, всё-таки рассказал... Мне кажется, она уже всех расспросила о прошлом. Только ты не решался рассказать свою историю.

— До моей истории ещё не дошло...

Прошло несколько дней после того рассказа перед сном. Солнце каждый день просила продолжения. А я... я не знал, как рассказать. Может, она разочаруется во мне. Может, обозлится. Я думал, того рассказа хватит, чтобы бесконечные вопросы обо мне закончились.

Я не готов потерять ещё одно Солнце...

— Эй, Регул. Ты снова ходишь с угрюмым лицом. В чём дело?

— Ахах, Атлас, ты снова пришёл промывать мне мозги?

— Вот ты обо мне какого мнения, оказывается. Нет. Просто услышал, что ты снова пугаешь детишек своей недоволь-

ной мордой.

— Что? Кого это я пугаю?..

— Солнце уже который день беспокоится о тебе. Думает, что ты отдаляешься от неё. Что такого тебе мог сделать ребёнок, что ты начал её избегать?

— Да не в ней дело...

— Тогда в чём?

— Рядом с ней я начал слишком много думать о прошлом...

— Ну так дело в ней всё-таки. Ты пережил то, что нам и не снилось. Хотя и у нас были свои... моменты.

— Знаешь... Она просит меня рассказать..

Атлас решил перебить меня, показывая, что и сам всё понимает.

— Думаешь, ей и правда интересна история, которую она слышала не одну тысячу раз? Она хочет знать, что пришлось пережить именно тебе. Тут нет ни одного человека по ту сторону, где был ты.

— Ей не стоит этого знать.

— Ахах. Ты считаешь себя каким-то злодеем? Ты же не глупый. Должен понимать, что человек будет делать в ситуации «убей или умри». Если бы я оказался в твоей ситуации — или кто-либо другой оказался на твоём месте, — мы бы поступили так же.. Сложно рефлексировать над ситуациями, в которых у тебя нет выбора...

— У меня был выбор. Я не считаю себя злодеем. Я трус.

Слабак, который не смог найти в себе силы не убивать. Когда ты забираешь последнее у человека, чтобы выжить самому, невольно думаешь... А что, если он придёт? Вернётся. Не один.

Я боялся расправы над собой. И не давал этой расправе случиться.

Тишина.

— Так что у меня был выбор.

Я посмотрел на Атласа. Ему явно было нечего сказать.

— Ладно, Атлас, мне пора.

Я встал из-за стола, за которым ещё несколько минут назад спокойно обедал, пока Атлас не решил втянуть меня в этот разговор.

Интересно, когда он поймёт, что из него плохой психолог? Одного его позитивного

мышления недостаточно, чтобы решить чьи-то проблемы.

Надеюсь, я дал ему понять, что он мне не сможет помочь.

— Эй, эй, Регул. Ахах, чего убегаешь от разговора? Признаю, твои слова заставили меня задуматься. Но ты как-то быстро решил, что мне нечего тебе ответить.

Я недоумённо оглянулся на него.

— Может, ты подумал, что разочаровал меня? Или, не дай бог, подумал, что мне тебя жалко.

— Ну да. Была мысль, что даже такой безнадёжный оптимист почувствует хоть какую-то вину за то, что поднял эту тему.

— Ну... своей вины я уж точно не вижу. Зато вижу, как ты убегаешь от разговора.

Опершись локтем на стол и положив голову на руку, Атлас смотрел на меня с ехидной улыбкой.

— Говори, раз есть что сказать. Или мы так и будем смотреть друг на друга?

— Знаешь... слабак всегда будет искать виноватого. А сильный находит в себе смелость признать правду. Когда слабак решает, что всё кончено, сильный начинает войну с самим собой.

— Чего?.. В какой детской книжке ты это вычитал?

— Не буду делать вид, будто знаю, что ты там чувствуешь. Ты уже дал мне понять,

насколько я ошибался. Но притворяться кем-то другим, лишь бы от тебя не отказались, — тоже не лучший выход. Лучше найти человека, рядом с которым тебе не придётся врать самому себе.

Я никогда не видел такого серьёзного выражения лица у Атласа.

— Ты забираешь выбор, который должна сделать Солнце. Может, она найдёт в себе силы принять твою историю, а может, поймёт, что ты совсем другой человек и не оправдываешь её ожиданий. Но это только её выбор, не твой.

Но я ведь уже поступал так... Я поступал эгоистично, когда забирал чужую жизнь, чтобы быть в безопасности. Чтобы за мной никто не пришёл. Чтобы никто не смог добрать-

ся до меня. И сейчас я снова выбираю безопасность. Я могу оставить всё как есть. Солнце будет продолжать смотреть на меня так же, как сейчас. Я буду утешать себя мыслью, что рядом с ней я другой человек. Что прошлое осталось там, в том мире, и больше не имеет ко мне отношения. Но разве действительно я становлюсь другим человеком, если просто не даю ей узнать, кем был? Может, я боюсь не того, что она разочаруется во мне.

Может, я боюсь узнать, что человек, которым я хочу быть рядом с ней, существует только в её глазах.

Если она узнает правду, у неё появится выбор — принять меня или отвернуться.

А если я не расскажу, то никогда не узнаю, кем я был бы для неё на самом деле.

И снова получается, что ради собственной безопасности я отнимаю у Солнца жизнь, которую она могла бы прожить, если бы знала, кто я на самом деле. Возможно, она всё равно осталась бы рядом. Возможно, отвернулась бы. Но это должна была быть её жизнь.

Её решение.

А я снова выбрал, что будет безопаснее для меня.

— Эээй, Регулус.

Видя, что я погрузился в свои мысли, Атлас решил вытащить меня из саморефлексии щелчком пальцев перед самым носом.

— А?

— Ты так глубоко ушёл в свои мысли, что я уже начал подозревать, что ты там решил построить новый мир без моего участия.

— Очень смешно.

— Знаю. Я эту шутку ещё давно придумал. Для тебя берёг.

— Ахах, ну спасибо.

— Ещё бы спасибо за бесплатный сеанс у психолога получить.

— Нет-нет, за это даже не жди.

— Ладно, пойду я. Меня ещё София ждёт, а я тут с тобой болтаю.

— Только не прикрывайся мной, а то опять будет говорить, что я на тебя плохо влияю.

— Ахахах, как скажешь. Удачно переварить тебе... еду и мысли.

Атлас поднялся из-за стола и, не дожидаясь моего ответа, направился к выходу. Я

проводил его взглядом. А после остался наедине с собой. Передо мной всё ещё стояла недоеденная еда, но аппетита больше не было.

Я решил пройтись по корпусу. Не заметил, как начал бесцельно ходить кругами. Выключение общего света застало меня врасплох. Я настолько погрузился в мысли, что потерял счёт времени. После не первой попытки беззаботно уснуть я понял, что сон сегодня мне не светит.

Мысли снова и снова возвращались к разговору с Атла-

сом. Его слова не давали мне покоя. Я долго лежал в темноте, смотря в потолок, пока наконец не поднялся с кровати.

Коридоры уже стихли.

— Эй, Солнце, проснись.

— А, Регул... Сколько времени? Ночь же ещё...

— Ты же так хотела услышать продолжение, так значит уже не хочешь?

— Хочу, конечно! Рассказывай!